

ГЛАВА 1

Если подъезжать к Ланну с юга, с холмов, город видно издалека. А слышно еще дальше. Колокола Ланна известны на весь мир, что чтит Истинного Бога и Мать Церковь. Издали город кажется огромным и прекрасным. Чистым и белым.

Четвертый день с неба не сорвалось ни капли, дорога была почти сухой, хотя и изрядно разбитой. Все вокруг как-то вдруг расцвело. Стало ярким и сочным. Птицы не унимались, словно радовались солнцу. Щебетали без остановки, улетаая ввысь над просыхающими полями. Было тепло и на удивление хорошо. Хотя лето уже закончилось.

Нога у солдата почти не болела, так что он мог ехать верхом, а не как старик в телеге. А если боль начинала донимать, он тут же звал Агнес, та с радостью шла и своими маленькими ручками снимала боль, шепча что-то под нос и поглаживая болезненное место. Чтобы не вызывать кривотолков, все это Волков делал вдали от посторонних глаз. Негоже доброму человеку прибегать к такому лечению, и Агнес это понимала. Агнес была умная. Неказистая, немного костлявая, но ловкая и смышленная. Боль, словно живая, отползала от рук девочки, пряталась куда-то вглубь, недовольная и мечтающая вернуться. Агнес косилась победно на Волкова, гордая и довольная, возвращалась в телегу, которую делила с Брунхильдой. Для них двоих пришлось обзавестись еще одной телегой. Солдат продал лишних лошадей, купил крепкого мерина да сукно, чтобы постелить поверх соломы, да подушки для молодых женщин. Чтобы они чувствовали себя хорошо на бесконечных дорожных ухабах. Управлял той телегой молодой монах брат Ипполит, которого настоятель отпустил в помощь солдату. Помощь оказалась не лишней. А монах и рад путешествовать, он был любознательным и хотел посмотреть, что там делается в мире за пределами его монастыря. Останется ли монах с ним дальше, солдат не знал. Это

станет понятно после того, как Волков попадет на прием к монсеньору Августу Вильгельму, герцогу фон Руперталю, графу фон Филленбургу, архиепископу и курфюрсту Ланна.

Монах был нужен солдату. Они много разговаривали. Монах был почти в два раза моложе солдата, но знал почти в два раза больше. Волков самонадеянно считал себя умным, но понимал, что мало что знает кроме войны да разных земель, где бывал.

А брат Ипполит был настоящим книгочеем. Вечерами, когда монах садился говорить с Волковым, к ним приходили послушать и Сыч, и Ёган, и Агнес, даже насмешливая Брунхильда слушала, хотя и не переставала цепляться к монаху и надсмехаться над ним. А тот мог говорить без конца: и про древних императоров, и про новые земли, открытые за океаном, и про Святое Писание, и про хвори, и про лекарства. А Волков все слушал и слушал, особенно про хвори, про чуму спрашивал. Слушал и запоминал.

Никому из своих спутников он так и не сказал, какое задание дал ему епископ Вильбурга. Боялся им говорить. Боялся, что его люди, люди, которых он уже считал своими, просто откажутся идти, если узнают, куда он их поведет. А он уже привык к ним. Быстро привык. К хорошему быстро привыкают. Нуждался в них, не понимая, как раньше мог обходиться без помощников. Поэтому солдат и не торопился. Все свое время. Когда на его щите появится герб, станет легче рассказать о велении епископа.

Настроение у всех было приподнятое. Ёган, и Агнес, и Брунхильда оказались в большом городе впервые, да и монах видал такое диво лишь много-много лет назад, в детстве.

— Колокола какие певучие, — благоговейно говорила Агнес, не отрывая взора от приближающегося города, — как приеду, приход себе найду с большим костелом. И чтобы весь расписанный. И чтоб красивый был, и чтоб колокола далеко звучали.

— А вы о чем мечтаете, госпожа Брунхильда? — спрашивал Сыч вкрадчиво.

Сам он отмылся и побрился, и на нем были добрая одежда, новые башмаки. Сидел он на коне, а на поясе висел кинжал. От прошлого Сыча-бродяги и помина не осталось.

— Чего? — не расслышала красавица. Она тоже смотрела на приближающийся город.

— О чем мечтаете? — продолжал Фриц Ламме по кличке Сыч. Он все время обращался к ней на «вы» с подчеркнутым уважением.

А она валялась на подушках в телеге простоволосая и прекрасная.

— А вот слышала я, что в больших городах есть лекари, что умеют зуб человеку на место выпавшего вставить, — говорила девушка мечтательно.

— Зуб? — отозвался Ёган аж из другой телеги, что ехала впереди, он озорно усмехнулся, оглянувшись на красавицу. — Ишь, зуб ей. Придумает же. Деревня.

— Я тоже про таких лекарей слышал, — подтвердил Фриц Ламме.

— Вот вставляю себе зуб и замуж выйду за богатого. И с холопами знаться боле не буду, — почти крикнула девушка, так чтоб Ёган слышал, — а коли такого встречу, велю его собаками драть.

— Ага, мечтай-мечтай, дурень-то думками богатеет, — ехидничал Ёган.

Вот он ни о чем не мечтал, а просто был рад вот так ехать в большой телеге, да в большой город, да напевать себе дурацкую песенку под нос.

Так они и доехали до города.

В воротах их встретила стража, сержант на солдата только глянул, ничего не сказал, а вот к Ёгану прицепился, остановил телегу.

— А ну покажи, чего везешь? На продажу есть что? Если есть, то надо пошлину считать.

— Чего тебе, вещи господина везу, — говорил Ёган, показывая скарб Волкова.

— А чего там? — лез в мешки начальник стражи.

— Известно чего — доспех да железо.

— А почему я знаю, что не на продажу?

Волков развернул коня, вернулся к сержанту и спросил у него:

— Купить что желаешь?

— Я просто спросил, работа у меня такая, пошлину на товары брать, — объяснил сержант, глядя на солдата.

— А я, по-твоему, на купчишку похож? — Солдат тоже смотрел на него.

— Нет, господин, — произнес сержант. — Уж никак не на купчишку.
— Скажи, где у вас тут остановиться можно, — спросил Волков, уже смягчаясь.

— Да вот рядом, в «Дохломе псе», хорошее место, веселое. Пиво там годное, — объяснял сержант, — вот по улице до переулка Мельников, свернете туда, и сразу будет по правую руку.

— Веселое? — Волков глянул на телегу, где сидели Агнес и Брунхильда. — С женщинами я.

— Ах, с женщинами, — понял сержант, — тогда вам нужно в «Три висельника» ехать. Там добрый трактир для господ. Ни девок, ни воря не бывает. Это вам по улице и до моста. А там конюшни увидите, конюшни тянутся по всей улице, место купеческое, склады там и кузни, вот там и трактир. Есть где телеги поставить и коней разместить. И сторожа там по ночам бродят, ни о чем волноваться не придется.

Туда солдат и направился. Доехали до моста через грязный ручей, забитый костями да ломаными бочками и телегами. Увидели ряды конюшен и складов, тут было суетно, на улице с трудом разъезжались тяжело груженные телеги, возницы лаялись, грозили друг другу кнутами. Приказчики стояли у складов, отпускали или принимали товары, считались-рядились. Солдат, пропуская телегу с бочками, остановил коня прямо на мостике и глядел на эту картину. Вдруг какой-то охамевший бродяга схватил его коня под уздцы. Солдат не видел лица мерзавца, тот был в широкополой шляпе, да и не требовалось солдату это лицо, он потянул руку за спину, чтобы как следует размахнуться плетью, ожечь подлеца.

А тот поднял голову с черной бородой с проседью и улыбался во весь рот.

— Полегче, брат-солдат, полегче, уж больно скор ты на расправу, — говорил незнакомец.

Волков точно знал его, хотя сначала не мог вспомнить этого человека. Так и замерла рука с плетью.

— Фолькоф, чертов ты болван, ты что, не узнаешь меня? Опустить плеть, позоришь меня, — скалился бродяга.

Вот теперь солдат его узнал. Раньше Игнасио Роха брился не часто, но никогда такой бородой не зарастал.

— Признал я тебя, Игнасио, — сказал солдат, опуская плеть, — местные ребята из нашей роты звали тебя Скарафаджо.

— Чертовы болваны, сукины дети, я думал, ты не вспомнишь мою кличку, — скалился Роха. — А ты, как всегда, на коне, Фолькоф. Два воза добра и холопы, и баба красивая у тебя. Жена, наверное. И конь у тебя хорош необыкновенно, — Роха поглаживал по шее коня, которого Волков забрал у миньона Кранкля, — и у холопов твоих хорошие кони. Ты всегда был молодец, Фолькоф, всегда.

— А вот ты что-то не в шелках, Роха, — заметил солдат, глядя на знакомца сверху.

Шляпа старого сослуживца была хоть и модной, но драной, а одежда его оказалась изрядно засалена и грязна.

— В шелках? — Игнасио Роха по кличке Скарафаджо невесело засмеялся и показал солдату правую ногу, вернее то, что от ноги осталось, а осталась от нее только половина, до колена, дальше шла деревяха. — Да уж не в шелках. Видишь? Дела мои дрянь, Фолькоф.

«Наверное, будет просить денег, — подумал солдат, — дам по старой памяти талер, не больше».

Они никогда не были близки, хотя иногда ели из одного котла и спали рядом. Роха прибился к ним, попросился в корпорацию, при осаде Виценцы. Тогда его терция приплыла под стены осажденного города, и они стали лагерем рядом с ротами, в которых служил солдат. Что случилось у Рохи с его земляками, почему он от них сбежал, никто его не спрашивал, просто однажды он пришел и попросил взять его к себе. Старики, и сержанты, и корпорал, поговорили с претендентом и решили, что он окажется полезен корпорации. И не прогадали. Роха был стойкий и сильный. Он был из тех, кто не побежит без причины и придет на помощь, если нужно, но позже, узнав его поближе, люди стали поговаривать, что он вор. Да, пару раз ему это говорили в лицо, но ни разу никто ничего не доказал, с тех пор сослуживцы прозвали его Скарафаджо, то есть таракан. Игнасио не обижался. А сейчас он стоял на мосту, гладил дорогого коня Волкова и успокаивал:

— Не волнуйся, Фолькоф, денег я просить не буду. А вот поговорить мне с тобой надо. У меня к тебе есть дело. Хорошее дело.

«Значит, хочет попросить много денег, раз так говорит», — думал солдат.

— Я еду в «Три висельника», — сказал он, хотя и не очень-то хотел еще раз встретить Игнасио Роху. — Приходи вечером, к ужину. Там и поговорим.

— «Три висельника», — Роха прищурился, — конечно, таким, как ты, богатеям как раз туда. Я приду, брат-солдат. И клянусь Святым Причастием, ты не пожалеешь, что встретил меня.

И тут раздался звонкий девичий крик, да такой, что все, кто был на конюшнях, глянули в сторону кричавшей, а это была Брунхильда:

— Господин мой, долго ли ты будешь болтать с этим бродягой, устали мы. И по нужде нужно нам.

Она стояла на телеге, руки в боки, и все, кто ее видел, любовались ею. А она пристально и с негодованием глядела на солдата.

— Ишь ты, какая у тебя птица — залюбуешься, — восхитился Роха. — Да-а, ты всегда был ловкачом и пронырой, Фолькоф.

— К ужину, в трактире, — сухо повторил солдат и тронул коня.

Город Ланн — это вам не Рютте. Дородный трактирщик был одет в добрую одежду, причесан и чист. Он улыбался, называя стоимость постоя. А вот Волков вовсе не улыбался, услышав ее. Две комнаты, да с кроватями, ему и женщинам, да с перинами, а не с тюфяками, да с простынями, да по свече в каждую, трактирщик это уточнил, да постой из овса да сена для лошадей, а их у солдата было пять, даже за место для телег трактирщик просил деньги. Даже за воду для лошадей и то плати! Итого улыбающийся и чистый трактирщик насчитал семнадцать крейцеров за день. Семнадцать крейцеров! И это без стола! Только кров!

Солдат стоял, думал: съехать в другое место или убить трактирщика? Да еще Ёган подливал масла в огонь:

— Ишь ты, не милосердствует мошенник.

Но все решила Брунхильда, огляделась, морща нос, принохалась, поправила лиф платья и сказала:

— А что, не воняет тут, видно, что и пол метут, и бродяг нету. Тут останемся. Авось у господина денег хватит.

Солдат хотел было сказать, чтоб держала язык за зубами, дура, да рядиться при трактиршике постеснялся. Тот и так поглядывал на

людей солдата сверху, как на деревенщину, только улыбался из вежливости.

Полез в кошель считать деньги, а трактирщик, истинный мошенник, так и косился на его кошель и про себя удивлялся его полноте. И еще больше оттого улыбался да кланялся.

«Деньгу спрятать нужно было, — думал Волков раздосадованно, — теперь этот вор мне точно житья не даст, будет и за воздух монету просить».

Пока он шел глядеть, как поставили коней в конюшню да сколько корма задали, к нему пришли его женщины. Главной была Брунхильда:

— Господин, денег нам дайте.

— Чего еще? — недовольно буркнул он. — К чему вам, куда собрались?

— А что, поглядеть хотим, церкву найти себе, да и лавки с полотном видели, когда проезжали, там ткани добрые. И с лентами лавки.

— Идите без денег, тут и так с меня три шкуры трактирщик дерет.

— Да как же без денег! — возмутилась Хильда. — Свечки в храме денег стоят, Агнес подыюбник нужен, а мыло? А на прачку?

— Ишь вы, на прачку им, барыни какие! — бубнил солдат. — Не жирно ли?

Он глядел на Агнес. Девочка мяла руки, стояла застенчивая, кроткая. Ничего не просила.

— Так вы ж сами велели грязной не ходить, — произнесла она, — мыло надобно.

— И прачка надобна, — не унималась Брунхильда, — день походишь — подол грязный, два походишь — стирать надобно, не самим же нам руки об корыто сбивать, авось и не большая денюга на прачку, полкрейцера всего, да на мыло, да на свечи в храм. Что ж вам, жалко?

Волков вздохнул, полез в кошель, стал считать медь, но ловкая Хильда сгребла с его ладони всю мелочь, схватила Агнес за руку и, смеясь, пошла прочь.

— Авось не обнищает, — сообщала она Агнес, — у него кошель от денег лопнет скоро.

Солдат посмотрел им вслед и крикнул:

— Монах, иди с ними, негоже им одним по городу бродить! Ёган, коня моего не расседывай, поеду сейчас. Сыч, вещи выгрузите, пойдти по городу, у местных поспрашивай, нет ли у кого жилья подешевле. Дорого тут.

...Богат и красив город Ланн, а дворец архиепископа славен на все земли вокруг. Ни иные князья, ни курфюрсты такого дома не имеют, только император может себе позволить такую роскошь. За все бесконечные годы войны лучшие из маршалов еретиков приходили сюда, трижды приходили, грабили окрестности, а ван дер Пильс, самый удачливый и опытный из них, даже брал город в осаду, но через четыре месяца снял ее и ушел на север несолоно хлебавши.

И теперь солдат стоял в огромном зале среди других посетителей, ждал, пока его позовут к огромному столу, за которым восседал монах с бритой макушкой. Канцлер Его Высокопреосвященства приор брат Родерик.

Два монаха и один мирянин все время подсовывали ему какие-то бумаги, что-то он проглядывал, что-то небрежно отбрасывал, а что-то бережно складывал в стопку рядом.

Еще один монах стоял перед посетителями за пюпитром, он давал добро на проход в центр зала к приору и принимал у них бумаги.

Солдат уже представился ему и сказал, что у него письмо от епископа Вильбурга к архиепископу. Но это не произвело на монаха ожидаемого действия. Монах меланхолично забрал у солдата письмо и отнес его на стол приора.

Когда у того дойдут руки до письма епископа, Волков мог только догадываться. И он пытал монаха, но тот высокомерно отвечал:

— Когда на то будет воля Божья.

И теперь солдат стоял среди других посетителей и, слушая прекрасный хор, что пел в соседнем зале, ждал своей очереди. Меньше всего ему хотелось ждать. Он боялся, что все будет не так легко и быстро, как обещал ему епископ Вильбурга, что это ожидание может затянуться. Он представил, что ждать придется несколько дней и в каждый из этих дней его будет обирать вор-трактирщик. Он морщился, как от боли. Даже думать о таких тратах для него было пыткой.

А ведь еще ему нужно было искать добрых людей для дела. Это опять займет какое-то время. А искать их до того, как он уладит все вопросы с архиепископом, он не собирался. Это уж точно. Больше его не проведут.

И тут вдруг его позвали.

— Ты гонец от епископа Вильбурга? — тихо спросил монах у пюпитра.

Тут вообще все говорили тихо.

— Я не гонец, — отвечал солдат. — Но письмо привез я.

— Пройди к столу приора, — сказал монах и уткнулся в бумаги.

Волков подошел к столу, остановился в пяти шагах, поклонился.

Глаза брата Родерика были серы, водянисты. Он смотрел сквозь солдата и говорил как будто не ему.

— Письмо, что ты привез, будет передано архиепископу, — говорил почти неслышно он, — коли нужен будет ответ, зайди через две недели.

— Епископ Вильбурга говорил, что решение будет принято быстро. — Волков чуть не подпрыгнул после слов приора о двух неделях!

Брат Родерик продолжал смотреть сквозь него. Весь его вид — и Символ веры из дерева на веревке, и потертое одеяние, и оловянное кольцо с молитвой — говорили о безмерном смирении. Да вот только прическа волосок к волоску, чистые ухоженные ногти и дорогие сафьяновые туфли, что виднелись из-под стола, выдавали его.

— Это и есть быстрое решение, сын мой, ступай, приходи через две недели, — продолжил приор.

Солдат был вне себя, он чувствовал, что опять все уходит из рук. Или откладывается надолго. Он повернулся и пошел к выходу. А монах, что стоял за пюпитром, остановил его.

— Сообщи имя свое, сын мой.

— Зачем тебе имя мое, отец мой? — вызывающе громко и непочтительно спросил Волков.

— Таков порядок, в книгу сию я записываю всех, кто был на приеме у канцлера.

— Мое имя Яро Фолькоф. Я привез письмо от епископа Вильбурга, — все еще раздраженно и громко говорил солдат.

Монах заскрипел пером, уткнувшись в огромную книгу.

А канцлер брат Родерик, с неодобрением наблюдавший за устроившим шум солдафоном, жестом остановил монаха, читавшего ему что-то, и, чуть повысив голос, произнес:

— Пройди сюда, сын мой.

Поманил солдата к себе.

Все присутствующие с интересом ждали, что произойдет.

Волков подошел, не зная, что и ожидать, возможно, выговора за неподобающее поведение, но приор спросил его:

- Ты Яро Фолькоф, что служил коннетаблем где-то в Ребенрее?
— Да, господин, в Рютте, — ответил солдат.
— Монсеньор, — зашипел монах, стоявший за креслом у канцлера.
— Да, монсеньор, — повторил солдат.

Водянистые глаза канцлера теперь смотрели с интересом, с прищуром. Он пальцем сделал знак, мирянин, стоявший рядом, сразу достал из кипы нужное письмо, письмо от епископа Вильбурга. Сломал печать и передал его брату Родерику. Тот кинул один лишь взгляд. Один миг! И отложил письмо так, чтобы никто не мог прочесть его. Ломаным сургучом вверх. Любопытство висело в воздухе, все присутствующие хотели знать, что за человек стоит перед канцлером. А канцлер молчал, разглядывая солдата. А солдат думал: «Неужели он прочел письмо за одно мгновение?»

Судя по всему, приор прочел письмо и, наконец заговорил:

— Сiju и гадаю я, какой же подвиг ты, сын мой, должен был совершить во сияние Матери Церкви нашей, чтобы архиепископ тебя так награди?

Волков молчал, думал, что ответить, а канцлер продолжал:

— Все, что мы о тебе слышали, похвалы достойно, но что ты пообещал добродетельному епископу Вильбургскому, что он нижайше просит со всей возможной поспешностью о большой милости для тебя?

— О том распространяться я не уполномочен, да и не я ему пообещал, а он просил меня об одолжении, — отвечал солдат не то чтобы дерзко, но со знанием себе цены.

— Конечно, — кивнул понимающе брат Родерик, — как же по-другому, зная нашего наиблаженнейшего из всех епископов, боюсь даже придумать, что за подвиг он затеял. Во славу Церкви, разумеется?

— Во славу, во славу, — подтвердил солдат.

— Неужто подвиг так велик, что требует награды вперед?

— Боюсь, что так, монсеньор, ибо после подвига награда может мне и не понадобится вовсе. А с наградой мне будет легче идти на подвиг.

— Вот как? — Канцлер помолчал. — Что ж, не посмею я задержать письмо брата архиепископа нашего, сегодня же сообщу о тебе Его Высокопреосвященству. Будь здесь завтра. С утра.

Приор протянул солдату руку через стол, не вставая, чтоб тот не очень-то гордился. Чтоб знал свое место. И солдат, гремя мечом, полез

чуть ли не на столешницу, чтобы дотянуться губами до оловянного перстня на надушенной руке.

На том прием был закончен, монахи просили посетителей к выходу, и расстроенные люди покинули залу. После и сами монахи с мирянином ушли, и пришел другой монах, худой и невысокий. Он безмолвно стоял и ждал, пока приор размышлял, а приор надумал и заговорил:

— Человека сего доброго запомнил?

— Солдат, Яро Фолькоф, о коем нам писал аббат Деррингхофского монастыря.

— Да, он.

— Запомнил, монсеньор.

— Пусть за ним приглядят.

— Уже распорядился, монсеньор.

— И еще к ужину пусть придет Анхелика.

— Фрау Анхелика просила передать, что не дни свиданий ныне у нее.

— Ну, тогда найди кого-нибудь, только не из местных.

— Будет исполнено, монсеньор.

— И не из блудных. Из крестьянок пусть будет, и чтоб не жирная.

— Жирных крестьянок ныне немного, монсеньор.

До ужина оставалось еще много времени, но Роха уже ошивался у трактира, внутрь не шел, трактирщик выставил бы его вон. Сидел неподалеку на бочке, выставив на улицу деревянную ногу. Грелся на солнце.

Они зашли в трактир, теперь трактирщик даже не морщился, принимая заказ. На Роху смотрел со лживой ласковостью.

— Ишь, подлец, брезгует, — скалился Скарафаджо, усаживаясь на лавку.

— Ты бы постирал одежду, может, тебя и не гнали бы, — заметил Волков, после аудиенции у канцлера настроение у него было хорошее.

— Ладно-ладно, постираю, велю старухе своей, — обещал Роха и предупредил, — я закажу пиво, только денег у меня нет.

— Заказывай все, что хочешь, — разрешил солдат.

— Все? И свинину? Окорок? Сто лет не ел окорока, — не верил Скарафаджо.

— Окорок ему, и сыр, хороший сыр давай, и колбасу кровяную.